

Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью

Биографика и мемуаристика вполне сложившиеся жанры, но вопрос о достоверности авто/биографических данных и мемуарной этике пока не получил достаточного освещения в социологической литературе. Настоящая статья — это попытка наметить круг вопросов, связанных с данной проблематикой. Основываясь на материалах проекта "Международная биографическая инициатива", автор анализирует различные типы биоинтервью и их влияние на ответы респондента, обсуждает трудности с публикацией

сенситивных данных, и вводит понятия "био критики" и "реверсивного редактирования" как методологического ресурса в социологической биографике.

Ключевые слова: Биография, автобиография, био критика, мемуаристика, биоинтервью, био критическая герменевтика, достоверность биоинтервью, мемуарная этика.

Дмитрий Шалин

профессор Университета Невады (Лас-Вегас)

Проект "Международная биографическая инициатива" (МБИ) начал свое существование в середине первого десятилетия 21-го века. Свою цель организаторы проекта — Борис Докторов, Дмитрий Шалин, Андрей Алексеев, Лариса Козлова, Наталья Мазлумянова, Борис Фирсов — сформулировали как "изучение истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического исследования".

По мере роста информационной базы проекта, у его участников возникла потребность в авто-рефлексии, появилось желание осмыслить природу интеллектуального сообщества, сложившегося вокруг МБИ. Борис Докторов увидел в нем пример "незримого колледжа" — группы ученых, объединенных общими интересами, связанных интенсивной, главным образом заочной коммуникацией, и работающих в организационных формах, характерных для эпохи интернета. Обсуждение природы этого явления послужило толчком к созданию МБИ Форума "БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ", материалы которого опубликованы на сайте МБИ¹.

Разговор о "незримом колледже" вскоре перекинулся на методологические и этические проблемы исследования истории российской социологии "в лицах" — типологии биографических интервью, природы био нарратива, достоверности биоинформации, ответственности интервьюера перед респондентом и общих принципов мемуарной этики. В начале сентября 2011-го года Борис Докторов подвел итоги первой части дискуссии и передал эстафету Дмитрию Шалину, чья статья о нарративной идентичности² послужила толчком МБИ Форуму 2. Дискуссии по данной тематике отражены в материалах Форума под названием, "Биография и био критика"³.

Тематически, границы между основными узлами МБИ Форума очерчены нестрого. Ключевые проблемы переходят из одной дискуссии в другую, ранее сформулированные идеи подвергаются критике, уточняются и развивается понятийный аппарат биографики и био критики. В то же время постоянно обозначаются новые темы и перспективные проблемы научного поиска.

Я благодарен всем, кто откликнулся развернутым комментарием на спор о достоверности интервью и мемуарной этике — Андрею Алексееву, Владимиру Шляпентоху, Ольге Маховской, Наталье Мазлумяновой, Борису Фирсову, Владимиру Ядо-

ву, Виталию Дмитриевскому, Анне Готтлиб, Блэру Рублу и другим участникам дискуссии. Как зачинщик МБИ Форума 2, я хочу обозначить главные моменты нашего обсуждения. Учитывая, что корреспонденция по данному кругу проблем продолжает поступать, я адресую свой комментарий авторам, представленным в первых частях Форума 2, оставляя на будущее подведение общих итогов МБИ Форума "Биография и Био критика".

В ходе дискуссии высказывались различные суждения о природе нашего сообщества, предмете и задачах исследования, методологии и технике интервьюирования — и все они имеют право на существование. Предмет наших штудий включает в себя: 1) историю социологии, 2) биографические исследования и 3) автобиографическую рефлексивность. В числе наших методов: 1) биографическое интервью, направленное на понимание взаимообусловленности личности и ее исторического окружения; 2) био критическая беседа с характерной для нее нацеленностью на само-понимание и оценку ключевых решений в жизни участников беседы, и 3) автобиографическое исследование, цель которого понять себя, описать свой жизненный путь в определенной исторической эпохе. Последний метод перекликается с автобио критическим исследованием, где акцент смещается от самоописания и самоинтерпретации к самооценке и самокритике в контексте не только данной эпохи, но и в тран исторической перспективе.

Замечу, что в отличие от термина "био графика", неологизм "био критика" малоизвестен за пределами узкого круга исследователей биографического дискурса в рамках проекта "Международная биографическая инициатива" и "Архивы Ирвинга Гофмана" (АИГ)⁴. Трудно сказать, приживется ли этот термин и его производные, но это вопрос второстепенный. Смысл, который я вкладываю в это понятие, можно передать другими словосочетаниями. Ольга Маховская предлагает назвать данный подход "критико-биографическим"⁵. Можно и так, хотя биография обычно включает в себя критику, и вряд ли современный биограф признает свое повествование некритическим. Рассогласование аффекта, слова и дела — центральная проблема био критической герменевтики — хорошо извест-

¹ "International Biography Initiative", <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>.

² "О "незримом колледже" и биографических интервью" (далее обозначено инициалами МБИ-1, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegetinvisible_11.pdf).

³ Шалин Д. "В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина" Телескоп // Телескоп, 2011, №3, с. 13-23.

⁴ К настоящему времени на сайте МБИ опубликовано несколько серий материалов форума "Био графика и Био критика": МБИ-2.1, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf; МБИ-2.2, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf; МБИ-2.3, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.pdf, и МБИ-2.4, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.4.pdf. Работы авторов МБИ Форума цитируются по версии, опубликованной на сайте МБИ.

⁵ "The Erving Goffman Archives", <http://cdclv.unlv.edu/ega/index.html>.

⁶ МБИ-1, с. 44.

ный феномен. Никакого открытия здесь нет. Биокритика отличается от обычного биографического исследования тем, что видит в рассогласованности поведения, эмоций и мыслей онтологическую данность, условие человеческого существования. Опираясь на принципы прагматистской семиотики, биокритическая герменевтика разрабатывает метод реверсивного (обратного) редактирования, цель которого систематически сопоставить отредактированную версию нарративной идентичности с событиями, не вошедшими в биоинтервью и указывающими на альтернативные возможности само/объективации⁷.

Биографическое интервью отличается от биокритического своими установками и образом интервьюера. В первом случае интервьюер выступает в роли "радиоприемника", добросовестно передающего вверенный ему биоинтервью⁸, во втором он, скорее, "артист", создающий в соавторстве с собеседником портрет респондента⁹. К первой позиции тяготеет Борис Докторов: "Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны"¹⁰. В этом же ключе развивается мысль Олега Божкова: "Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличение) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно). Задача социолога — установление взаимосвязи между различными социальными фактами"¹¹.

Биокритическое интервью позволяет задавать вопросы, которые могут повлиять на реакцию собеседника. Их можно расценить как провокационные. Так я спрашивал Старовойтову и Леваду, приходилось ли им задумываться об эмиграции, Алексеева и Фирсова об эволюции их коммунистических убеждений, Голофаства и Грушина о компромиссах, на которые пришлось им идти ввиду их партийности. Тут важен такт, интуиция, подсказывающая, о чем можно спросить и где надо остановиться. Биокритические интервью имеют более свободную форму. Интервьюер должен быть готов последовать за неожиданно всплывшей темой, указать на возможное противоречие в аргументах собеседника, или привести пример из собственной жизни. Респондент и интервьюер здесь временами меняются местами — биокритик становится респондентом, а его собеседник расспрашивает интервьюера. Наиболее интересные беседы у меня были с респондентами в формате взаимного интервьюирования, биокритического диалога.

Биоинтервью чистого вида — редкость. Как правило, в каждом случае присутствуют разноформатные, гибридные элементы, но есть и общая тенденция, отражающая установки интервьюера, задачи исследования, а так же степень близости респондента и его собеседника (это можно увидеть, сопоставив интервью Эдуарда Беляева, данное мне в 2008 году и Боре Докторову в 2010¹²). Личные отношения между собеседниками в биоинтервью могут повлиять на ход беседы и осложнить интерпретацию биоинтервью. Согласно Маховской, "если интервьюер связан личными отношениями сотрудничества или

дружбы со своими респондентами, то степень искажения резко нарастает. Такой фактор как "симпатия-антипатия" перекашивает сведения в пользу "симпатичных" событий и людей. Он настолько силен, что не зависит от воли участников, их IQ" (МБИ-1, с. 43). Эффект сопричастности и содружественности в работе интервьюеров заслуживает специального исследования, и не только как источник ошибки, но и как биокритический ресурс.

Как исследователь человеческой памяти, Маховская обращает внимание на "закономерные искажения информации" и их влияние на конструкцию биоинтервью. "Я проводила исследования динамики образов значимых событий, в которых люди принимали участие", пишет Маховская, "и могу сказать, что искажения возникают с самого начала, память даже не получает значительной доли информации, если она противоречит положительному образу "Я" респондента. Все, что делает его незащищенным, ставит под сомнение его репутацию, закрывает перспективу стирается, или запоминается как попало" (МБИ-1, с. 43).

Интересны наблюдения Маховской по поводу роли эмоций в биокритическом исследовании. "[А]ффективные" индикаторы интервью", пишет она, "зависят в большей мере от культурно-заданных сценариев. Этим объясняется, почему субъект ведет себя внешне адаптивно, разумно, перспективно, а при этом испытывает чувство стыда, горечи и отчаяния. Так можно понять и известный эмигрантский феномен — ностальгия" (МБИ-2.1, с. 13). Ностальгией в среде эмигрантов я не занимался, в академической среде ее особенно не замечал, хотя вопрос, несомненно, заслуживает внимания. Меня больше интересовало распределение в биоинтервью аффективных маркеров — радость, страх, гнев и спокойствие¹³ — и их концентрация в разных жизненных сферах. Например, в интервью Игоря Кона 1999-года можно найти наблюдение, что "почти в каждом из нас жил внушенный с раннего детства страх. Из моих близких никто не был репрессирован, но я на всю жизнь запомнил, как в 1937 году у нас в комнате, на стенке карандашом, незаметно, на всякий случай, были написаны телефоны знакомых, которым я должен был позвонить, если мою маму, беспартийную медсестру, вдруг арестуют"¹⁴. А в интервью 1996 года Игорь рассказывал: "На лекциях у физиков я получал такое удовольствие. Я аж рисовался, меня собственная внешность [занимала]... Помню, я надел новый костюм и галстук, а там выходили знакомые ребята из ЛИТМО, и один из них сказал: "Игорь Семенович, вы такой красивый сегодня вообще". Я сам себя чувствовал красивым"¹⁵. Интервью на нашем сайте, особенно биокритически ориентированные, переполнены такого рода эмоциональными индикаторами, и как мне кажется, помогают понять феноменологические особенности исторического бытия личности и общества.

Не всегда ясно как быть со свидетельствами о респонденте и третьих лицах, содержащими нелицеприятную информа-

⁷ Shalin Dmitri N. Pragmatism & Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 2011, Chapter 6.

⁹ Эту точку зрения отстаивает в своих работах Андрей Алексеев (см. Алексеев А. "К вопросу об "Истории российской социологии в лицах". Февраль-апрель 2006 г. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов). Доклад на Четвертых международных чтениях памяти В. В. Иофе Право на имя. Биография XX века: Методология составления и изучения биографий (Санкт-Петербург, апрель 2006), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/arti9cles/alekseev_bioscience.html.

¹⁰ Мазлумянова Н., Докторов Б.: "История всегда авторская", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html.

¹¹ Божков О. Биографии и генеалогии: Ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. №1, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bozhkov_biographies.html.

¹² Беляев Э.: "Во время Чехословацких событий мы были в Каярику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/beliaev_08.html. БЕЛЯЕВ Э.В. "ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ - ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ЧЕРТА МОЕЙ ЛИЧНОСТИ" // Телескоп, 2010. №3. С. 2-12, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html.

¹³ D. Shalin, Emotion Template Matrix Chart, http://cdclv.unlv.edu/programs/etm_chart.html.

¹⁴ Кон И. "Эпоху не выбирают", http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/kon_1999.html.

¹⁵ Кон И. "Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз", http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/kon_96.html.

цию. "Возникает вопрос: как же быть с правдивой информацией, которая негативно характеризует самого рассказчика или других его героев?", замечает Лариса Козлова. "Что предпочтительнее исследователю: милосердие или научную честность? Здесь интервьюер близок к проигрышу в любом случае: или он "облеяет" кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непорядочности"¹⁶.

Я и мои коллеги не раз оказывались в ситуации, где респондент начинал рассказывать о каком-то деликатном эпизоде и затем спохватывался, не зная, стоит ли ему продолжать, или просил выключить магнитофон. В таких случаях я говорю собеседнику, что мы можем оставить эту тему, что при желании респондента проблематичное событие или откровенное суждение останется конфиденциальным, что у него будет возможность изъять из окончательного варианта интервью любой его кусок. В моей практике было несколько случаев, когда респондент отказался от идеи обнародовать интервью или его значительную часть после прочтения расшифровки. Один респондент попросил снять с сайта (это не был проект МБИ) текст, провисевший там несколько месяцев. Я снял мемуары (это были именно мемуары, а не интервью), но предупредил человека, что материал уже разошелся и его судьба от меня не зависит. Через какое-то время этот респондент попросил меня вернуть мемуары на сайт АИГ.

Ситуации такого рода высвечивают важные особенности мемуарной этики и практики интервьюирования. Что-то респондент может недосказать, что-то исказить в ходе интервью, но он может сказать и, как правило, говорит больше, чем намечался (отчасти по этой причине Ирвинг Гофман отказывался давать интервью). У собеседника могут возникнуть сомнения по поводу всего процесса, желание что-то изменить в ранее опубликованном тексте или полностью изъять его из обращения. Люди, охотно дающие интервью и пишущие мемуары, не любят напоминаний о том, что они говорили или писали в прошлом. Некоторые ссылки на мемуарные материалы, опубликованные на других интернетных платформах и не продублированные на нашем сайте, сейчас не доступны пользователям МБИ. Проблема может быть чисто технической (сайт, где первоначально размещался материал, закрыт или находится в ремонте), но возможно и сознательное решение автора схоронить свои ранние излияния.

Еще более острые проблемы возникают в натурном эксперименте, где исследователь является непосредственным участником событий, а его соучастники не подозревают, что вовлечены в эксперимент, результаты которого могут быть опубликованы с поименным перечнем участников, описанием ключевых событий и оценкой поведения актеров невольной драмы. Я спрашивал своих коллег в России и Америке о мемуарной этике, и обнаружил, что по этому поводу мало, что написано и нет единого мнения. Наташа Мазлумянова высказала любопытное соображение по данному вопросу: чем более интимно мы знаем человека, тем шире круг вопросов, которых нельзя касаться в мемуарах о данном лице¹⁷. Схожую мысль высказал Хауард Беккер, сокурсник Гофмана, сказавший мне, что он был близким другом Ирвинга и остается другом его семьи, и поэтому не считает возможным вдаваться в подробности его жизни. Мне эта позиция понятна, хотя здесь встает вопрос, насколько можно доверять мемуарам о близких людях, (а Беккер публиковал истории из жизни Гофмана), учитывая их избирательность и потенциальную тенденциозность.

Как у всех биографов и интервьюеров, у меня накопилось

много не задействованных биоматериалов. Сын Гофмана рассказывал мне об отце и семейных секретах, и мне пока не ясно, что из этих сенсационных свидетельств можно обнародовать, а что нет, и это несмотря на то, что ни отца, ни сына уже нет в живых. Даже материалы завещания Гофмана и его первой жены, по Американским законам доступные всем интересующимся, содержат подробности, которые неловко предавать гласности. Когда я спросил членов совета по проекту "Архивы Ирвинга Гофмана", стоит ли выложить эти материалы на сайте АИГ, мнения разделились, и за отсутствием консенсуса, я решил их не публиковать. Серьезный историк, биограф, литератор не может игнорировать такую информацию, но как быть социологу, работающему в современном режиме? Должен я сохранить материалы такого рода для будущих исследователей? Когда можно опубликовать закрытые документы и частную переписку — через 30, 50, 100 лет?

Джеймс Босвелл, автор, быть может, самой известной биографии нового времени, "Жизнь Сэмюэля Джонсона", собрал множество материалов о своем современнике, блестящем интеллектуале 18-го века, но не решился опубликовать отдельные свидетельства, сложив деликатные материалы в папку под названием *Tacienda* (не отсюда ли "Потаенное" Розанова?). Из материалов этой серии мы знаем о мазохистских наклонностях Джонсона, о том, чем он занимался в постели со своей падчерицей, и прочее. Если бы Босвелл уничтожил эти биоданные, о них мы вряд ли бы узнали. Босвелл этого не сделал, и сейчас ученые изучают творчество Джонсона в свете его телесных практик. Тут встает сложный комплекс этических проблем — насколько значимы для биокритика стигматизирующие подробности жизни человека, можно ли задавать провокационные вопросы, что нужно выбросить из окончательного варианта биоинтервью, за кем остается последнее слово в редактировании текста, как быть с нелицеприятной информацией относительно третьих лиц, следует ли определить временной рубеж, после которого конфиденциальная или скандальная информация может быть передана гласности? Эти вопросы широко освещались в рамках МБИ, но консенсуса по ним нет и, наверное, быть не может.

Андрей Алексеев в целом согласен с моей позицией о достоверности биоинтервью и правомерности биокритического подхода, но выражает тревогу по поводу не всегда обоснованной критики в адрес социологов, которых уже нет в живых. "Но я бы наложил хотя бы 10-летний "мораторий" на обсуждение наших покойных коллег — хоть интервьюируемыми, хоть интервьюерами, хоть мемуаристами, хоть исследователями — в любом аспекте, который мог бы как-то затронуть их честь и достоинство или мог дать повод для опровержения (самозащиты), будь человек жив... Этакой бестактностью в отношении тех, кого уже нет с нами, грешат и некоторые материалы на сайте МБИ. Что уже вывешено — убирать не надо, только вперед — модерировать (или, если угодно, цензурировать)" (МБИ-2.1, с. 59-60).

Проблема серьезная, решить ее в общем виде сложно. Если мы начнем заниматься цензурой, то остановиться будет трудно. Следуя этой логике, нужно было бы исключить критику наших коллег, прозвучавшую в ходе настоящей дискуссии. Алексеев прежде всего озабочен репутацией умерших коллег, но проблема не снимается и в случае ныне здравствующих людей. В интервью 1990-го года, Левада несколько пренебрежительно высказался о Борисе Работе, а Работ, ознакомившись с этим интервью, в свою очередь критиковал Леваду в своем интервью 2008 года. Во многих интервью звучит критика в адрес Руткевича, Осипова, Сигова, Парыгина. Стоило ли ее цензурировать,

¹⁶ Козлова Л. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал, 2007, № 2, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_bio.html.

¹⁷ Мазлумянова-Шалин (О Геннадии Батыгине и практике интервьюирования), МБИ, http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/mazlumyanova_shalin_06.html.

и если да, то как решать вопрос в каждом случае — консенсусом, большинством голосов, давать каждому заинтересованному лицу право вето?

А вот, что писала по схожему поводу Патриция Босворт, автор недавно опубликованной биографии Джейн Фонды: "Главная трудность, с которой сталкивается биограф ныне здравствующего человека заключается в том, что он не всегда может быть вполне откровенен. Джейн согласилась со мной говорить, и мне не хотелось злоупотреблять этим доверием; я старалась ее оберегать, и потому должна была тщательно взвешивать, о чем писать и о чем умалчивать"¹⁸. Босворт продолжает: "Мне довелось видеть множество Джейн. Я знала Джейн одержимую миссией; девически застенчивую Джейн в общении с мужчинами; Джейн на телеэкране с патентованными советами по поводу любви, секса и физических упражнений; непреклонную Джейн в мире бизнеса и саморекламы; щедрую Джейн в отношениях с друзьями в беде; любящую бабушку Джейн; гламурную Джейн, когда она дефилировала в белом платье на кинофестивале в Каннах, затмив своей персоной всех молоденьких звездочек".

Или возьмите известного социолога Ирвинга Гофмана, о котором у нас много весьма противоречивых свидетельств. Бурдые характеризует его как человека "теплого, дружелюбного, скромного, участливого", а Дин Маканнел описывает Гофмана как "ироничного, ненадежного, скрытного, неотзывчивого"¹⁹. Кто из них прав? Судя по мемуарам и интервью в архивах Гофмана, оба правы. Володя Шляпентох был у Гофмана дома и запомнил его как человека радушного и щедрого²⁰, а по воспоминаниям Эвиатара Зерубавеля, у которого Гофман был научным руководителем, работать с таким ментором было пыткой²¹.

Достоверностью отличается не та интерпретация, где биограф докопался до настоящей Фонды или истинного Гофмана, а реконструкция, которая описывает реального человека во всей ее или его противоречивости. Задача интерпретатора — по возможности вычислить вероятность того или иного типа поведения в общей структуре процесса, именуемого термином "личность". Последнюю следует рассматривать как стохастический процесс, в котором человек ведет себя как частица в квантовой механике — пока ее не локализуешь наблюдением, она движется в разных направлениях, имеет множество масс, позиций и прочих параметров, и только при конкретных обстоятельствах (например, когда мы просим респондента заполнить анкету) объект исследования занимает определенную позицию. Сменилась ситуация — и человек проявляет себя как-то иначе, ведет себя непоследовательно, или вовсе противоречиво. Эта неопределенность не есть погрешность инструмента, как принято считать в классической теории, а кардинальное свойство социальной реальности, где мы отслеживаем вероятности, тенденции, векторные характеристики поведения личности. Задача социолога не в том, чтобы схватить человека как такового и показать его подлинное лицо, а чтобы выяснить наибольшую амплитуду колебаний в поведении кон-

кретной личности или групп личностей в определенных социально-исторических условиях. На это направлена методология прагматической герменевтики²².

С большим скепсисом к возможностям биоинтервью и проекту МБИ относится Владимир Шляпентох. "Дмитрий и его коллеги поразительным образом склонны, как правило, доверять своим собеседникам как людям, желающим и могущим снабдить их фактами о том, если использовать знаменитые слова немецкого историка 19 века, "что было на самом деле" в прошлом", замечает в своих комментариях Володя²³. "Между тем поклонники биографического метода абстрагируются от того, что их респонденты переполнены в момент интервью (как впрочем и в тот период, о котором они вспоминают) страстями, преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей... Впрочем, сторонники биографического метода с розовыми представлениями о готовности их респондентов говорить "правду, только правду и всю правду" по сути порождены американской эмпирической социологи[ей], которая в целом и по сей день отличается удивительно романтической верой в природу человека и, в частности, в его стремление быть честным со всеми и в том числе с социологами".

Не стану защищать американскую социологию (хотя моим здешним коллегам такое размахистое суждение вряд ли покажется обоснованным), но вступлюсь за своих коллег по МБИ. Никто из них, насколько мне известно, не склонен "бестрепетно доверять автобиографиям видных людей". Все они подчеркивают сложность интерпретации биоинтервью, ненадежность человеческой памяти, необходимость учитывать возможные искажения и использовать триангуляцию при обработке данных. Как заметила Наталья Мазлумянова, респондент погружен "в культуру приемлемых ролевых сценариев, "легенд" (почти как у разведчиков), скрытых за текстом личностных систем ценностей, установок, неартикулированных мотивов, интенций"²⁴. Эту же мысль Мазлумянова развивала на форуме МБИ: "То, что говорит респондент — всего лишь версия событий, ослепленная массой искажений, которые обусловлены, опять-таки, массой причин. Текст интервью можно положить в основу исследования, но следует дополнять его другими материалами — в меру их доступности и пригодности в данном случае" (МБИ-1, с. 24). А вот что писал Андрей Алексеев в 2006 году по поводу моего метода: "Практически каждый автор у него предстает (и действительно является!) некоторым творцом "легенды" собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, а что-то затушевывается, а что-то и вычеркнуто из памяти, иногда сознательно, иногда бессознательно это происходит... И Д. Ш. как бы ловит наших коллег на таких "смещениях акцентов"²⁵. То есть, меня скорее можно обвинить в излишней дотошности, чем в склонности принимать

¹⁸ Bosworth J. "Connected, Darkly, to Jane Fonda", New York Times, September 26, 2011.
¹⁹ Шалин Д. "Goffman's Biography and the Interaction Order: A Study in Biocritical Hermeneutics". Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association, 2008, <http://cdclv.unlv.edu/ega/bios.html>.
²⁰ Shlapentokh V. "The Pen of a Genius is Mightier than the Writer Himself", in *Bios Sociologus: The Erving Goffman Archives*, Dmitri N. Shalin, ed. (UNLV: CDC Publications, 2009-2010), http://cdclv.unlv.edu/archives/interactionism/goffman/shlapentokh_08.html.
²¹ Zerubavel E. "Studying with Erving Goffman", in *Bios Sociologus: The Erving Goffman Archives*, Dmitri N. Shalin, ed. (UNLV: CDC Publications, 2009-2010), http://cdclv.unlv.edu/archives/interactionism/goffman/zerubavel_08.html.
²² Shalin D., "Agency Scan and Emotion Template Matrix Analysis: Theory, Methodology, Preliminary Findings". Paper presented at the 2006 Annual Meeting of the American Sociological Association, http://cdclv.unlv.edu/programs/etm_findings.html.
²³ Шляпентох В. "Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? "О "незримом колледже" и биографических интервью", МБИ-1, с. 28-29.
²⁴ Мазлумянова Н., Докторов Б.: История всегда авторская, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html.
²⁵ Алексеев А. "К вопросу об "Истории российской социологии в лицах". Февраль-апрель 2006 г. См. также Алексеев А. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов). Доклад на Четвертых международных чтениях памяти В. В. Иофе Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографий (Санкт-Петербург; апрель 2006), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

на веру данные биоинтервью.

В начале своих заметок о нарративной идентичности я привожу выдержку из интервью 1990 года, где обсуждалось увольнение Павла Буторина, сотрудника Института конкретных социальных исследований, и указываю на целый ряд неточностей в изложении фактов этого дела. Приводя цитату из интервью о мотивах моего решения эмигрировать, я тут же оговариваюсь, что мои рассуждения могут быть "рационализацией", прикрывающей иные мотивы и побуждения. Целая секция в моих заметках посвящена ретроспективным ошибкам и недоговоренностям в интервью, размещенных на сайте МБИ. Биокритическая герменевтика тем и интересна, что проблематизирует нарративную идентичность и конструктивистскую природу биоинтервью. Так что критика Володи Шляпентоха, мне кажется, не по адресу.

Вышесказанное не значит, что мы имеем дело с недоразумением, которое можно списать на неточность формулировок, полемический задор, и т.д. Шляпентох призывает доискиваться объективной реальности, проверять достоверность информации, разводить факты и ценности, но что стоит за этими понятиями не уточняет. Понятия эти подвергались осмеянию в постмодернистских теориях, с которыми Володя ассоциирует и мой подход к биографии. О своих расхождениях с постмодернистской эпистемологией я писал²⁶, но не все в этом дискурсе ошибочно. По крайней мере со времен Канта философы подвергали критике стремление схватить вещь в себе, установить "что было на самом деле", и в той степени, в какой постмодернисты импровизируют на эту тему, с ними можно согласиться. Реальность обретает объективные характеристики по мере того, как она становится объектом человеческой деятельности. Для Канта эта деятельность была когнитивной; для Маркса — материально практической; для Джона Дьюи и прагматистов — предметной, эмоциональной, когнитивной и коммуникативной. Это особенно важно иметь в виду, когда мы обращаемся к социальной реальности, которая неразрывно связана с нашей сознательной деятельностью, предвзвешиваниями и ценностями, без коих невозможен социальный факт. Но если постмодернизм берет на вооружение скептическую деконструкцию, отрицающую саму возможность истины, то прагматизм нацелен на реконструкцию, которая понимает истину как исторически сложившееся, социально фундированное, и практически достигнутое единство знания и реальности²⁷.

Официальная статистика утверждает, что безработица в США в июле 2011 года достигла 9.1%. Но этот факт не учитывает людей исчерпавших пособие по безработице, переставших искать работу, занятых менее чем на 50%. Посчитайте этих людей, и процент безработных в Америке может удвоиться. Определение понятия "безработный" зависит от предпосылок и ценностей исследователя, от его либеральности или консерватизма, а посему и объективная реальность, отраженная в статистических данных, несвободна от оценочного момента. Прагматизм подчеркивает многообразие ценностных систем отсчета, в которых реальность раскрывается в своей соотношенности с человеческой практикой как объективный феномен — исторически заданный, социально конституированный, и практически достигнутый.

Участники настоящей дискуссии сходятся на том, что биоинтервью данные подвержены разного рода искажениям, что их нужно проверять, но расходятся в том, как это лучше делать. Установить достоверность того или иного факта важно, тут я согласен с Владимиром Шляпентохом. В каких-то случаях это сделать несложно. Например, в интервью 2006 года Во-

лодя указывает на низкий уровень преподавания социологии в Мичиганском университете и замечает по ходу дела, что "на моей кафедре методы опроса не являются обязательной дисциплиной для аспирантов". Я прочел, удивился, вышел на сайт университета в Ист Лансинге, и нашел там следующее требование к аспирантам-социологам: "Все аспиранты должны пройти семестровый курс статистики, или его эквивалент, одобренный комитетом по методологии... Все аспиранты должны пройти семестровый курс по методологии социологических исследований, Социология 885, или его эквивалент..."²⁸. И далее перечисляется полдюжины курсов по статистике и методам исследования, из которых аспиранты должны выбрать классы по статистике и методологии исследования. Возможно, эта информация на университетском сайте устарела, но проверить ее достоверность не предоставляет труда.

Разумеется, не все факты можно опровергнуть или подтвердить с помощью компьютера и поисковой системы в интернете. Борис Раббот рассказывает в своем интервью, как, будучи студентом университета, он отказался стать стукачом и был за это избит до полусмерти сотрудниками компетентных органов²⁹. Можно покопаться в архивах КГБ (хотя вряд ли там сохранились материалы дела), порасспросить современников, проанализировать жанровые особенности этого и схожих эпизодов в биоинтервью Раббота, проследить его склонность к преувеличению, и затем уже судить о вероятности данного эпизода. Но как быть, если не нашлось надежного источника, подтверждающего достоверность данного события? Шляпентох считает, что в таком случае его не стоило публиковать. Я с ним не согласен.

Где-то в начале 1974 я подавал документы на поездку в Западную Германию по линии Совета молодых ученых при райком комсомола, и со мной попросил встретиться гэбэшник. Он расспрашивал меня о работе, говорил какие-то комплименты (я только что защитил кандидатскую), и затем попросил меня следить за другими участниками делегации во время поездки в Германию. Было противно, но я готов был на это пойти, полагая что, никто меня не заставит стучать на членов делегации ("ничего не видел", "ничего не слышал", и все тут). Но сотрудник органов, полагая, что он нашел покладистого человека, стал меня расспрашивать о моих коллегах в ИКСИ и просил ставить его в известность о поведении конкретных персонажей (сейчас уже не помню, кого именно). Я тут же очутился и сказал, что не подхожу для такого рода занятий. Гэбэшник сначала удивился, потом рассердился, потом посоветовал еще подумать. Визу мне не открыли ("Москва зарезала", посетовало местное комсомольское начальство) и в Германию я не поехал. Ядову, Беляеву и кому-то еще я об этом разговоре сообщил по горячим следам.

Согласно Шляпентоху, говорить об этом эпизоде не следует, поскольку нет свидетелей моего разговора с гэбистом, и вряд ли протокол этой беседы сохранился в архивах КГБ (хотя кто знает). Но я не вижу, почему мою версию событий нельзя придать гласности. Ничего героического в моем поведении не было — я не послал чиновника подальше, а вежливо уклонился от бремени стукача, хотя мои шансы на зарубежные поездки после такого поворота событий, наверное, уменьшились. Тоже самое можно сказать о деле Бориса Раббота. Мы не можем проверить, действительно ли Борис подвергся избиению в КГБ, насколько жестоким оно было, и как он вел себя во время допроса. Но такого рода событие могло иметь место, и в отсутствии контр-свидетельств, я склонен принять на веру этот эпизод. Даже если бы описанный Рабботом эпизод оказался выдум-

²⁶ Shalin, D. Pragmatism & Democracy, Chapter 5.

²⁷ Там же, Chapter 3.

²⁸ См. <http://www.reg.msu.edu/AcademicPrograms/ProgramDetail.asp?Program=4536>.

²⁹ Раббот, Б. С. "Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/rabbot_08.html.

кой, его можно рассматривать как значимую информацию. То, что является "шумом" в одном отношении, может выступать "сигналом" в другом. Биоинтервью лишь первая стадия в работе биокритика.

Именно поэтому я обратился через посредника к Леониду Баткину с просьбой прокомментировать интервью Работы, особенно ту его часть, где Борис рассказывает о работе в качестве референта Румянцева. В своей записке 24 июня 2011 г. Баткин сообщил следующее (я исправил несколько опечаток в его послании): "До 1967 года я преподавал в Харькове эстетике, в Институте искусств, по распоряжению Обкома меня выгнали с работы по политическим мотивам и предупредили, что новой работы в городе я не получу. Год я оставался безработным. Затем покойный М.Я. Гефтер предложил мне сотрудничать в Институте всеобщей истории у него в секторе. Гефтер был тайным консультантом вице-президента Румянцева, поэтому я чудом смог перебраться в Москву в декабре 67 года. Вся связь с Румянцевым по поводу меня шла через его доверенного помощника Бориса Работу. Условием переезда и работы стало мое согласие писать тексты для академика. У Румянцева тогда была репутация "либерала" и я, наивно предполагая, что смогу косвенно проташить какие-то правдивые соображения, — согласился. Это "спичрайтерство" продолжалось в 1968-1972 годах. Я сделал несколько больших и важных статей и докладов, и даже длинное закрытое письмо Румянцева генсеку по поводу угроз антисемитизма и национализма, но увидел, что мои тексты неизменно редактировались кем-то и принимали гораздо более сглаженный вид. Поэтому я отказался продолжать эти двусмысленные занятия, да и времена уже требовали от вице-президента совсем иного, "строгого" тона публикации. Так кончилась эта история (с Работой чисто приятельские отношения продолжались до его отъезда)" (МБИ-2.1, с. 5).

Записка Баткина проливает свет не только на его сотрудничество с Румянцевым, но и на то, что я называю "личной герменевтикой" участников событий³⁰. Если верить Баткину, то доклады Румянцеву писал не только, а возможно и не столько, Работ. Борис Работ опустил этот факт в своем интервью, что существенно для понимания его как респондента. Можно понять тех участников МБИ форума, кто засомневался во врожденном диссидентстве Работы. Сравните рассказ Работы с тем, как Андрей Алексеев ответил на мой вопрос, когда он окончательно освободился от коммунистических иллюзий: "Если рассуждать не об ощущениях, а о поступках, то считайте, что позавчера. [До этого] не хватало не просто способностей, а именно силы духа, мужества додумать до конца и перейти от нравственного противостояния к политическому"³¹. Думаю, что сомневаться в достоверности этого утверждения не приходится.

Другой пример почерпнут Шляпентохом из интервью 1996 года, в котором Игорь Кон объясняет, почему он решил вернуться в СССР из заграничной поездки. Шляпентох спрашивает: "можно ли вот так принимать на веру, что Игорь Кон потому не остался в Голландии в 1965 году, что у него была "начатая работа" (МБИ-2.1, с. 6)? Нет нельзя. Но ведь Игорь не ограничивается этим мотивом в описании причин, побудивших его оставить мысль об эмиграции. Вот полный текст его обоснования: "Можно было остаться, попросить убежища. Но такие мысли оставались абстрактными. Я думал, что подведу товарищей, есть начатая работа. Была надежда, что все-таки что то образуется. Потом этих надежд уже не возникало... Один только раз я серьезно об этом думал — даже предупредил маму... Мама знала, и мой друг знал. Потом он страшно обрадовался, когда

я вернулся. Но всегда сдерживало [сознание того], что я при деле, что делаю что-то важное. А что я буду делать [на Западе]? Ну, будет у меня другая кормежка, будут лучшие условия, но сомнения, зачем мне это нужно и что я от этого приобрету, были всегда. К материальным благам я был равнодушен, меня больше интересовала моя работа"³².

Перед нами сложная мотивационная сетка. Тут и сознание того, что его невозвращенство может кому-то повредить, что дома остался близкий "друг", что ситуация в России может улучшиться, что на Западе его никто не ждет, что дома осталась интересная работа, что материальные блага для Игоря второстепенны по сравнению с творческим поиском. Ни одна из этих мотивировок не самодостаточна, но в своей совокупности они указывают на работу амбивалентного самосознания и дают реалистическую картину мотивационного поля, в котором Кон принимал судьбоносное решение об эмиграции.

"Без оглядки на механизм рационализации мотивов", пишет Шляпентох, "Шалин ставит задачу "проанализировать структуру мотивировок в дискурсе эмигрантов, покинувших Советский Союз в годы застоя и сравнить ее с авторефлексией оставшихся в России ученых" (МБИ-2.1, с. 6). Ну почему же без оглядки на рационализацию. Конечно, нужно анализировать мотивировки, принимать во внимание возможность само/обмана, сравнивать противоречивые диспозиции, сопоставлять вербальные и невербальные индикаторы. Не нужно быть биокритиком, чтобы понять, что структура мотивации не тождественна структуре поведения. Да и сам Шляпентох соглашается со мной, когда пишет, что "ответы о мотивах всегда полезны, как один из источников информации, позволяющих что-либо понять о ценностных ориентациях, об идеологических пристрастиях респондентов и о способах их приспособления к реальности в момент интервьюирования" (МБИ-2.1, с. 6). Значит, исследовательский коллектив МБИ работал не зря.

Я не думаю, что "только большие романисты типа Томаса Манна или Лиона Фейхтвангера имеют моральное право рассуждать о мотивах поведения людей".

Мотивация плодотворно исследовалась в социальных науках, в том числе социологических, например в работах Райта Милса, Кеннета Берка, Ирвинга Гофмана, Стэнфорда Лаймана, Майрона Скотта и других исследователей изучавших словари мотивов и типы самооправданий (accounts) в разных суб/культурах. Для социологов мотивация это форма вербального поведения, которая следует логике отличной от логики невербального поведения. Что значит мотивировать поступок (действие, поведение, линию жизни)? Если говорить о ретроспективной конструкции, то мотивировать поведение значит: 1) проследить его истоки, намерения, цели, 2) обрисовать социально-исторический контекст действия, 3) определить ресурсы достижения поставленной задачи, 4) описать трудности реализации плана и его возможной корректировки, 5) сравнить конечный результат с интенциями и обрисовать непредвиденные последствия, 6) подвергнуть критике данную линию поведения и извлечь из него уроки на будущее. Тут благодатное поле для работы биографа и биокритика.

Шляпентох скептически относится к "готовности... респондентов говорить "правду, только правду и всю правду"", упрекая американских социологов в нежелании "даже упоминать при характеристике респондентов такие термины, как "искренность", "ложь", "ложные ответы"" (МБИ-1, с. 29). По его мнению, этим грешат и Мелвин Кон, и Роналд Ингледгард. Последний, например, "без всяких хитростей спрашивал жителей в автори-

³⁰ Шалин Д. "Талина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью" // Телескоп, 2008, №2, с. 22, здесь и далее цитаты приводятся по версии, размещенной на сайте МБИ, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_golofast_intro.pdf.

³¹ "По мере созревания нравственная конфронтация становится политической. Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. №4, 2010, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>.

³² Кон И. "...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/kon_96.html.

тарных странах, что они думают о власти, насколько они доверяют официальным ценностям и т.п.³³.

Не буду вдаваться в тонкости интерпретации данных опросов общественного мнения в авторитарных странах. Замечу лишь, что понятие "ложности" данных интервью бессмысленно без понятия их "истинности" — конкретный ответ можно определить как заведомо ложный только, когда мы знаем истинное положение вещей. В случае биоинтервью ситуация осложняется тем, что ответ респондента может быть одновременно честным и фактически неверным. Здесь следует разводить понятия "истинность", "ложность" и "правдивость"³⁴. Истинность требует подтверждения биоинформации независимыми источниками, ложность предполагает намеренное искажение существа дела, правдивость характеризует респондента, который искренне отвечает на вопросы, но может заблуждаться в конкретных фактах. Качество биоинформации не всегда очевидно, но мы не без ресурсов при ее оценке.

Никто не станет обвинять Ядова в лжесвидетельстве, когда он по памяти восстанавливает обстоятельства перевода книги Гуда и Хатта и его воспоминания оспариваются другими свидетелями (Мазлумьянова, МБИ-1, с. 23). Презумпция правдивости здесь полностью оправдана, хотя установить последовательность событий и роль людей, имевших отношение к данному вопросу, сейчас уже не представляется возможным. Другое дело, когда Парыгин дает интервью, где утверждает, что "я первый "подставился", бросил вызов, за который потом годами пришлось расплачиваться", что при советской власти ему "досталась судьба изгоя и изгнанника", что как "лидера международного ревизионизма" его вызывали на ковер в высокие инстанции и осуждали за потерю "идеологической выправки"³⁵. Здесь более чем уместны сомнения по поводу его правдивости. Достаточно вспомнить роль Парыгина в деле Валерия Голофаства, где он в качестве председателя партийной комиссии обвинял в "недостаточной идеологической зрелости коммуниста В.Б. Голофаства", или сетовал на отсутствие в среде ленинградских социологов той самой "идеологической выправки", из-за отсутствия которой его самого якобы подвергли гонениям³⁶. Тут можно припомнить и роль "первого ученика", которую Парыгин сыграл в разгоне отдела Ядова в ИСЭПе. А если принять во внимание, что Ядов публично порвал с Парыгиным, то публикацию последним в 2005-ом году фотографий, на которых Парыгин запечатлен с его "другом" Ядовым, можно считать просто непристойной.

Согласно Володе Шляпентоху, "нельзя респонденту верить ни в чем", тем более респондентам биоинтервью, которые "преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей" (МБИ Форум 2.1, с. 15 и МБИ-1, с. 29). Володя готов распространить это суждение и на себя как респондента биоинтервью, но тут возникает любопытная коллизия.

1. Имярек утверждает, что нельзя доверять респондентам биоинтервью, поскольку они преданы идеологическим догмам, и т.д.;
2. Имярек является респондентом биоинтервью;
3. Имярек утверждает, что ему нельзя доверять, поскольку он...

и далее по силлогизму. Утверждение типа "нельзя респонденту верить ни в чем" опровергает само себя — если оно сделано респондентом. Тут уместно вспомнить теорему неполноты и "парадокс лжеца", который (в переводе на язык социологии) предполагает, что суждение о членах класса, к которому принадлежит субъект суждения, символически выводит его за пределы описываемого сета, заставляя брать роль другого и принимать точку зрения внеположенного класса. Вопрос о достоверности биоинформации нужно решать в конкретной ситуации применительно к конкретному респонденту и его конкретному суждению.

Мне также хотелось бы поспорить с Эдуардом Беляевым и ответить на его возражения по поводу биографического метода в социологии. В своих комментариях на мои заметки о нарративной идентичности Беляев пишет, что у него "совсем нет склонности заниматься анализом того, кто что сказал, кому и когда, и верно ли это. Я считаю, что подобного рода деятельность совершенно бесплодна", поскольку она "ничего не дает для социальных наук, в лучшем случае что-то дает для истории или биографии, или художественной литературы"³⁷. Социология не занимается отдельными лицами и избегает моральных оценок, основанных на личных симпатиях и антипатиях. Ее задача осветить работу общества в целом и его отдельных институтов, найти закономерности (patterns) в поведении и вербализации бытующих в конкретных социальных общностях. В одном месте Беляев говорит, что "'моральное"-аморальное" пове-

³³ В своем посте от 30.08.2011 на Форуме МБИ-2.1 Шляпентох пишет, "я буду благодарен Вам, если Вы найдете один параграф в работах Ваших невадских коллег, посвященный этой проблеме [проблеме достоверности социологических данных] в публикациях их результатов" (МБИ— 2.1, с. 15). Действительно американские социологи мало интересуются вопросами такого рода, но вот выдержка из публикации одного невадского социолога по теме дискуссии: "Проблема эта имеет непосредственное отношение к социологическим опросам. Специалисты в данной области изучают общественное мнение с целью выявить суждения, стереотипы и дискурсы, созвучные духу времени и распространенные в данной популяции, и затем приглашают респондентов ответить на вопрос, с какими из этих стереотипов они согласны. Социологический вопросник дает возможность исследователю с высокой надежностью определить более или менее автоматическую реакцию респондентов на типовые суждения в ситуации лишенной контекста. При этом, чем надежнее инструмент воспроизводит стереотипы, тем хуже вербальные реакции респондентов соотносятся с проблематичными реалиями повседневной жизни, где их поведение зависит от ситуационного контекста. Процесс валидации данных должен вывести социолога из искусственных условий, в которых респондент находится во время опроса, чтобы сопоставить вербальные установки с реальным поведением. Взятые вне контекста, вербальные маркеры плохо соотносятся с действиями в повседневной жизни, поскольку надежность данных здесь куплена ценой потери экологической достоверности. Иначе говоря, надежность и валидность данных социологических опросов находится в отношении неопределенности — их нельзя максимизировать одновременно с произвольной точностью". (Shalin, D. "Mikhail A. Alexseev, Immigration Phobia and the Security Dilemma: Russia, Europe, and the United States." (Cambridge: Cambridge University Press, 2006). Canadian American Slavic Studies, 2009, Vol. 44, No. 1/2, pp. 255-259. См. также Шалин, Д., "Феноменологические основы теоретической практики. Биокритические заметки о Ю. А. Леваде" // Вестник общественного мнения, 2008, № 4, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_levadabio.html, с. 99-100).

³⁴ Истину можно установить во многих случаях, но вопросы, на которые легко ответить в формате "да-нет", "истина-ложь" не самые интересные. Если я скажу, что у меня дома на книжной полке стоят девять томов Вавилонского Талмуда 1918 года издания, то суждение это будет либо истинным, либо ложным. В реальности на полке могут оказаться не девять томов, а восемь или десять; я мог перепутать год издания; книги окажутся не на полке, а в гараже. Но установить сам факт в принципе можно. Труднее выяснить, пользуюсь ли я этим изданием. Если я утверждаю, что пользуюсь им регулярно, то нужно определить понятия "регулярно" и "пользуюсь". Если же я стану утверждать, что следую предписаниям Талмуда, то проверить это суждение будет еще сложнее. Потребуется сформулировать принципы Талмуда, найти операциональные определения термину "следовать", принять во внимание, что какие-то из положений почтенной книги противоречат друг другу, и так далее.

³⁵ Борис Парыгин // Очень, 2005, № 4, январь, <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/parygin.html>.

³⁶ Божков О., Протасенко, Т. "Гляжу в себя как в зеркало эпохи". Телескоп // 2005, № 6, с. 2-13, <http://cdclv.unlv.edu/archives/Supplements/golofast.html>.

³⁷ Беляев Э. "Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина". МБИ-1, с. 35.

³⁸ Bourdieu P. "The Biographical Illusion" p. 298 in Identity: A Reader. London: Sage Publications, 2000.

дение для объяснения индивида, на мой взгляд, бессмысленно. Оно находится совершенно в другой сфере и научному анализу не подлежит". Однако, в другом утверждает, что "социолог должен видеть сложное взаимодействие между личными интересами (и соответственно поведением) и ценностями (или моралью)". То есть, моральные факторы социологу все-таки следует принимать во внимание. "В этом смысле собранные интервью социологов на самом деле очень ценны, если мы не будем заниматься личностями интервьюируемых, заниматься тем, что кто кому сказал и насколько это правда. Эти интервью в их совокупности создают хорошую картину того, на каком фоне развивалась советская социология и каковы были её интеллектуальные корни, каков был интеллектуальный и психологический климат в стране" (МБИ-1, с. 39-39).

Позиция ортодоксального социологизма имеет много сторонников. Восходит она к Дюркгейму, для которого "настоящим автором является общество". В биографических исследованиях этой позиции придерживается Пьер Бурдьё. В своей программной статье "Биографическая иллюзия", Бурдьё высмеивает "желание стать идеологом собственной жизни посредством извлечения из нее нескольких событий якобы следующих общему плану и спаянных причинно-следственной связью, желание разделяемое биографом, особенно профессиональным интерпретатором, склонным приветствовать такое искусственное смыслообразование"³⁸. Социологическому анализу подлежат только "институционализированные формы разговора о себе", утверждает Бурдьё, а не их воплощение в авто/биографических опытах отдельных авторов.

Его книга "Набросок к самоанализу"³⁹ имеет выразительный подзаголовок "Это не автобиография", и в ней практически отсутствуют признаки рассказа как серии связанных событий-эпизодов, из которых складывается жизнь человека. Описывая свою профессиональную карьеру, Бурдьё выводит свои научные предпочтения из классовой структуры французского общества и иерархической природы академического мира, при этом всячески чураясь повествовательных деталей (Бурдьё называет свои откровения "безличными исповеданиями"). Он не желает нисходить к конкретике и отвечать на критику коллег и учеников, обвинявших его в жестокости и высокомерии, предпочитая отделяться общими заверениями о том, что у него были веские причины тормозить карьеру одного ученика, разносить в пух и прах другого, игнорировать работы коллеги из смежной области, и т.д. (Володя Ядов рассказал мне, как он пытался поговорить с Бурдьё о своей диспозиционной теории, на что мэтр просто отмахнулся от него).

Позиция Бурдьё сродни теоретической программе Дюркгейма. Как и его знаменитый предшественник, Бурдьё редуцирует выбор человека вообще и свой выбор в частности к историческим характеристикам социального поля и типичному габитусу, приобретенному в ходе социализации. Роль человека как субъекта морального выбора, ответственного за свои действия, при этом уходит на задний план. Мне ближе гуманизм Плутарха, заметившего пару тысячелетий назад, что "большие дела и свершения не всегда дают нам возможность понять добродетели или пороки людей; иногда самые малые события, простой человеческий жест или шутка, куда красноречивее свидетельствуют о характере и особенностях человека, чем грандиозные осады, блестящее вооружение и кровавые сражения"⁴⁰.

Интерес к частному, повседневному вызывал недоверие у многих социологов конца 19-го начала 20-го столетия, и понадобилось время, чтобы узаконить биографическое исследование в социологическом каноне. Классическая социология рас-

сматривала личность как производное ее социальной среды, полагая, что индивиды, в конечном счете, располагаются по силовым линиям социального поля подобно железным опилкам магнитного поля. Но и поведение опилок нельзя предсказать с уверенностью, когда они оказываются на пересечении множества силовых линий, а в квантовой механике поведение частиц еще более проблематично. Мы знаем по работам Ильи Пригожина, что существуют диссипативные структуры и странные аттракторы, вокруг которых неожиданно могут складываться новые поля. В человеческом обществе существование таких диссипативных процессов и аттракторов тем более важно. Понять природу возникновения новых форм жизнетворчества, способных повлиять на ход истории — такую задачу ставили перед социологией Дильтей, Вебер и Дьюи. В их работах мы находим понимание того, что жизнь общества в целом неразрывно связана с привычками и предрассудками его индивидуальных членов, с жизненным курсом и биотраекториями индивидов и групп. Отсюда интерес современной социологии к частному, личному, спонтанному, хаотичному.

Можно и нужно анализировать действия Парыгина, Сигова и Руткевича и сравнивать их рационализации с жизненной стратегией Ядова, Кона и Левады. Столь же полезно разобрать структуру обстоятельств, мотивировок, и характерологических особенностей, приведших одних к решению эмигрировать, а других остаться в России. Беляев приводит мнение Павла Буторина — "уезжали, потому что создалась благоприятная ситуация и люди просто ею пользовались. И не надо ничего придумывать"⁴¹. Но ведь не все уехали, кто-то остался; значит, ссылкой на благоприятные условия здесь не обойтись; нужно понять человека как субъекта действия, способного делать выбор, не всегда предсказуемый, и — хочу подчеркнуть этот момент — ответственного за выбор перед собственной совестью, современниками и потомками.

Как заметил Андрей Алексеев, ангажированность и предвзятость характерна не только для российских социологов, описывающих свою гражданственную и интеллектуальную эволюцию, но и для социологов иммигрантов. Я присоединяюсь к Алексееву в его предостережении относительно скоропалительных оценок различных жизненных траекторий: "То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в "передовой отряд строителей коммунизма" или же уклонился от этой "чести", "вышел на площадь", подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя "науке и только науке") само по себе не должно быть предметом — ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления. И только в контексте всего жизненного пути и "суммарных" жизненных итогов следует рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства" (МБИ-2.1, с. 64).

Сходно позицию занимает Блэр Рубл, когда он подчеркивает, что были "умные и порядочные социологи и интеллектуалы, решившие остаться в Советском Союзе и принявших решение покинуть страну" (МБИ-2.1, с. 64). Согласно Блэру, люди склонны в своих воспоминаниях "представлять свой выбор как правильный", что зависит от того, как сложилась судьба российских социологов в Америке, удалось ли найти работу, получить американское образование, и т.д. Было бы интересно обсудить с Рублом его впечатления о российской социологии эпохи застоя и ее трансформации в перестройку и постсоветский период (в аспирантские годы Блэр стажировался в Ленинграде, где я с ним познакомился в начале 70-х). Ряд американских социологов и политологов провели значительное вре-

³⁹ Bourdieu P. Sketch for a Self-Analysis. Chicago: The University of Chicago Press, 2008.

⁴⁰ Plutarch's Lives. Vol. II. New York: The Modern Library, p. 139.

⁴¹ МБИ-1, с. 35.

⁴² Не так давно я пытался связаться с Уесли Фишером по этому поводу, но не смог разыскать его координаты (если кто их знает — отзовитесь!).

мя в России — Уесли Фишер, Джерри Панхерст, Майкл Сакс, и хочется верить, что со временем они засядут за мемуары. Их взгляд на возрождение социологии в России, ее эволюцию и современный статус, равно как и на полемику в МБИ Форуме, нам был бы в подспорье⁴².

Приведу еще одно суждение о природе биокритики и необходимости прояснить ее направленность: "Вопрос, в какой мере эта критика возможна, когда тебе потом с респондентом и его товарищами по жизни рядом идти? Или позиция исследователя провокационная, и критика — как прием стимулировать воспоминания и рассуждения респондентов? Или критичность — как свойство любого научного ума, с той и другой стороны ("Умные люди знают, о чем идет речь, умные люди договариваются"). Или это скепсис по отношению к прошлым событиям и теориям, масштаб которых кажется мизерным по сравнению с развитием социологии на Западе? Или за этой "критичностью" — комплекс благодарности времени и людям, голоса которых хочется сохранить в максимальной первозданности, потому что они уходят?" Я согласен с Маховской и в том, что надо изучать особенности самосознания ученых организаторов, компиляторов, маргиналов и лидеров научных школ и направлений (МБИ-1, с. 45).

* * *

Одно из перспективных направлений биокритики — изучение взаимосвязи теоретического корпуса с биографической траекторией исследователя. Сам факт участия в нашем "незримом колледже" в этом отношении может быть знаменателен⁴³.

"[С] радостью причислю себя к замечательному содружеству, хотя лично знаю немногих", пишет Анна Готтлиб в своем посте от 16.08.20121. "Но, думаю, сегодня, в сетевой век, это и не обязательно. Думаю также, надо поискать основание, объединяющее таких разных людей... Может быть, это некоторая методологическая ориентированность профессионального сознания, всегда нацеленная на анализ не только того, "что" (содержания), но и того, "как". Может быть, это высокая включенность в профессию, когда профессия перестает быть только ролью, и становится чем-то большим. "Социолог в России больше чем социолог", если перефразировать Евтущенко. Возможно, это все вместе..." (МБИ-2.1. с. 36).

Действительно, что привлекло участников МБИ Форум к "истории социологии с человеческим лицом"?

В статье "К семилетию рубрики "Современная история российской социологии"" (МБИ-2.1, с. 35) Борис Докторов подводит итоги кропотливой работы по изучению советской и постсоветской социологии, отраженной в биографиях ее основателей и действующих лиц, рассказывает, как он вышел на эту проблематику и перечисляет мотивы, побудившие его начать сбор интервью с российскими социологами. В мотивационном поле Докторов выделается "собственное многолетнее участие в социологических исследованиях и желание вернуться в

свое профессиональное сообщество; к тому моменту я десять лет фактически находился в стороне от него".

Мне это наблюдение кажется знаменательным. Социологическое воображение по сути своей биографично⁴⁴, во всяком случае, когда мы имеем дело со сложившимися учеными и талантливыми исследователями. Мы входим в мир науки, сформировавшийся до нашего рождения, и какое-то время движемся по инерции в русле существующих теорий, парадигм и методологических установок. С годами мы выходим на собственную стезю, где устоявшейся парадигмы может быть недостаточно и где требуется социологическое воображение. Истоки последнего в нашем личном опыте, в том, что Уильям Джеймс называл *visceral knowledge* — экзистенциальных, не всегда отретексированных установках и навыках. Дело это рискованное; реакция коллег на творческий полет фантазии часто бывает скептической; но если интеллектуалу удалось выйти на свою тему и отстоять ее в высоко-конкурентном мире науки — это счастье. Борису удалось задействовать личностное знание, оно уже дало нетривиальные результаты и еще будет принести плоды всему нашему содружеству, и не только ему.

Рефлектируя по поводу собственного интереса к биокритическим исследованиям, я также ощущаю связь биографии с научным творчеством. Свою первую работу о советской социологии я написал в 1975 году в Риме, когда в ожидании американской визы я попытался объяснить западным коллегам сложную ситуацию в стране и в российской социологии в частности. Друг Игоря Кона, итальянский социолог Франко Ферраротти, попросил меня написать о советской социологии и опубликовал мои заметки в своем журнале *La Critica Sociologica*⁴⁵. Два года спустя я сделал доклад на семинаре Мертона по социологии науки об институционализации эмпирической социологии в СССР, из которого выросла статья "Развитие советской социологии, 1956-1976", опубликованной в 1978 году в *Annual Review of Sociology*⁴⁶. Затем последовало еще несколько работ по истории социологии в Советском Союзе⁴⁷. В 1989 году я взял интервью у Бориса Грушина и Натальи Карцевой, положившее начало серии бесед с российскими социологами/интеллектуалами по проекту "Перестройка и интеллигенция". К концу 90-х пришло понимание, что мой давний интерес к прагматизму и герменевтике перекликается с моими работами по интеллигенции и биографическому дискурсу, и к середине нулевых годов я сформулировал программу исследований по биокритической герменевтике, основанной на идеях Пирса, Дьюи, Джеймса и Мида, связавших вопрос о смысле и значении с поведением, соматикой и эмоциями.

Именно отсюда берут начало проекты "Международная биографическая инициатива" и "Архивы Ирвинга Гофмана" (отсюда и название последнего проекта *Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives*). К этому времени мой интерес к истории социологии ослаб, а интерес к авто/биографическим исследованиям вырос. К циклу работ последнего типа относятся мои биокритические заметки о Леваде, Голофасте/Саганен-

⁴³ Ольга Маховская с сожалением отмечает отсутствие МБИ для естествоиспытателей, многие из которых нашли работу на Западе и не поддерживают активных связей с коллегами из России (МБИ-2.1, с. 13-14). Действительно жаль. Но почему бы не начать работу в этом направлении? Я и мои коллеги будем рады поделиться опытом. На сайте Центра демократической культуры найдется место и для такого проекта. Была бы изначальная воля к созданию сетевого сообщества у самих физиков, разбросанных судьбой по странам и континентам, а там уж дело пойдет. Конечно, тут нужны ресурсы — время, технические средства, организационная структура, и прежде всего инициатива физиков со связями в России и за ее пределами. На этот счет стоит посоветоваться в российских академических кругах, например с С.А. Кутелем из Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.

⁴⁴ Shalin D. Review of "Olga Shevchenko, Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow" (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2009). *Society*, 2009, Vol. 46, No. 6, p. 548, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_r_shevchenko.pdf.

⁴⁵ Shalin D. "On Current Trends in Soviet Sociology." *La Critica Sociologica* 1976, 38, 173-84. http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_dss.pdf. Об истории своего участия в этом семинаре я рассказал в одной из своих биокритических беседах. См. D. Shalin, "Encounters with Merton," pp. 179-181 in *Социология науки и техники. Специальный выпуск к столетию Роберта К. Мертона*. С. Петербург, Российская Академия Наук, 2011, с. 179-181, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/ds_merton_10.pdf.

⁴⁶ Shalin D. "The Development of Soviet Sociology, 1956-1976." *Annual Review of Sociology* 1978, Vol. 4, pp. 171-91", http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_mpa.pdf; "Between the Ethos of Science and the Ethos of Ideology." *Sociological Focus* 1979, Vol. 12, pp. 175-93, http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_esei.pdf; "Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Change in Recent Soviet Sociology." *Social Forces* 1990, Vol. 68, pp. 1-21, http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_sge.pdf.

ко, Хайдеггеру/Гадамеру, Ирвинге Гофмане и недавно опубликованные комментарии о нарративной идентичности и дискурсу социолога не/эмигранта, хотя последние выходят за рамки биокритического исследования и возвращают меня к истории российской социологии.

"Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы ее жить". Это ключевое положение философии Сократа далеко не бесспорно, но оно имеет прямое отношение к людям, втянутым в орбиту "Международной биографической инициативы". Для большинства людей нашего круга профессиональная роль неотделима от других личностных измерений их существования. Общества вне биографий его членов не существует, и в той степени, в какой социальная реальность претерпевает кардинальные изменения, она напрямую связана с автобиографической рефлексией людей данной исторической эпохи.

Последнее, чего хочу коснуться в своих комментариях на комментарии нашего незримого колледжа — что делать с МБИ материалами? Боря Докторов поднял этот вопрос на МБИ форуме, но я от него поначалу отмахнулся. Кто хочет, тот и будет пользоваться, как захочет, так пусть и использует. Наше дело собрать материалы, по возможности их обработать, ввести в научный оборот, а там уж каждому решать по своему усмотрению. Но, наверное, стоит поспросить участников нашей дискуссии о том, кто над чем работает.

Подчеркну междисциплинарную, полипарадигматическую, методологически разношерстную природу исследований проекта МБИ. Интервью Бориса Докторова важный источник по истории российской социологии — пост-хрущевской, времен "застоя" и постсоветского времени, но в них много ценного для исследователя жизнеописаний, для понимания природы мотивации и биографического дискурса. Андрей Алексеев, прежде всего, интересуется автобиографической рефлексией, его собственной и интеллектуально близких людей, но его работы содержат интереснейшую информацию об эпохе, о ключевых эпизодах его собственной судьбы и жизни общества (не только научного). Лариса Козлова и Наташа Мазлумянова вместе с Геннадием Батыгиным собрали

ценнейшие интервью с социологами советской эпохи, но у этих авторов есть важные разработки по методологии и технике интервьюирования, по научным сетям в среде российских социологов, равно как и по социологической теории. Я менее знаком с работами Романа Ленчовского, но насколько могу судить, помимо общих интересов с Андреем Алексеевым, у него есть разработки по философии самосознания и социальной практики, непохожие на то, что делают другие участники нашего форума.

Что касается меня, то мои планы расплывчаты. Несколько лет назад я начал что-то вроде контент-анализа биоматериалов МБИ в русле моей работы по социологии эмоций⁴⁸. В рамках этого проекта я составил таблицу частично обработанных данных, где отслеживал социально-демографические характеристики российских социологов, распределение аффективных маркеров в их интервью, а также способы подведения итогов маститыми учеными, обозревающими свою научную траекторию и достижения. Потом забросил эту работу под напором дел и проектов, и не знаю, когда смогу вернуться к этой теме.

Уже несколько я лет читаю античные автобиографии и автобиографическую прозу разных эпох. Есть мысль написать работу под названием "Две с половиной тысячи лет автобиографической прозы. Исократ, Цицерон, Сенека, Августин, Монтень, Руссо". Хочу добавить к этому списку или Кона с его "80 лет одиночества" или Михаила Гаспарова с его "Записками и выписками" (построенными по модели "Аттических ночей" Авла Геллия), но не знаю, что из этого получится, учитывая объем работы, хронический недостаток времени, и врожденную лень.

В более отдаленной перспективе исследование жизнетворчества Ирвинга Гофмана на материалах АЭГ, хотя о предварительных результатах я уже докладывал на нескольких конференциях⁴⁹.

Вот, пожалуй, и все, что касается круга интересов нашего незримого колледжа. Еще раз хочу поблагодарить всех участников МБИ форума за дружеские чувства и интереснейшую дискуссию.

⁴⁸ Shalin D. "Agency Scan and E-motion Template Matrix Analysis: Theory, Methodology, Preliminary Results", http://www.unlv.edu/centers/cd-clv/programs/etm_findings.html.

⁴⁹ Shalin D. "Goffman's Self-Ethnographies: Interfacing Biography, Theory and History", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/articles/ds_eg_selfethno.html.